

Надежда Максимова
Тайна разрушенного храма

Меч жизни

Надежда Максимова

Тайна разрушенного храма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12487324

ISBN 9785447429744

Аннотация

Спецподразделение ФСБ, занимающееся расследованием специфических тайн и урегулированием нестандартных ситуаций, расследует свое первое дело. Становится известно, что в руки преступников может попасть тайное оружие предков, обладающее колоссальной силой. Защиты от оружия нет. Необходимо найти его и обезвредить. Удастся ли это нашим героям?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тайна разрушенного храма

Меч жизни

Надежда Максимова

xxx: Цель игры – построить замок и наблюдать за тем, как гибнут враги.

*ууу: Зашибись! Головы всё больше и больше у некоторых. А нет случайно игры, где все живы, нужно спасти Землю и наблюдать за тем, как она расцветает, на ней исчезают пустыни, превращается в цветущий прекрасный сад????!!
Во что играем, то и получаем в жизни!*

*zzz: Сначала надо убить всех врагов!
С интернет-сайта*

© Надежда Максимова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1.

Детонатор революций

– Это называется... то самое, что сейчас происходит, это называется третья мировая война, – поучительно говорил дядя Миша. В одной руке он держал огромный горячий бутерброд (булка, много сыра, колбасы и две минуты погреть в микроволновке), в другой поллитровую именную кружку с обжигающим чаем. И занимался воспитанием молодого поколения (то есть меня), не отрываясь от процесса приема пищи.

Мы сидели в каптерке позади комнаты дежурного оператора и считались «Группой экстренного вызова», которая дежурит сутки и выезжает на место происшествия в случае ЧП. Правда, за все время существования нашей конторы такие ЧП случались всего дважды, и оба раза силами одной «Группы» не обошлось – выезжали все, начиная с верховного руководства и заканчивая последним стажером (в целом набралось почти десять человек) ... Но положено было дежурить, и поэтому мы с дядей Мишей сидели в каптерке. Была наша очередь.

Сейчас, пока все спокойно, есть время немного рассказать о нас и о службе. Итак, мы существуем в рамках Федеральной службы безопасности и числимся в этом солид-

ном ведомстве под номером 22—03/46. Никто не знает, откуда взялся этот ни с чем несообразный цифровой код, но я подозреваю, что это просто дата рождения нашего генерала. По инициативе которого подразделение и было создано.

Полное наименование засекречено, а к документам, в которых оно упоминается, имеет доступ исключительно узкий круг лиц из числа высшего руководства. Но поскольку слухи все равно просачиваются, я приоткрою завесу тайны – мы занимаемся расследованиями сверхъестественных явлений.

Что относится к данной сфере – никто точно определить не способен, так что нас могут бросить на любое задание.

Старшим в нашей команде (по возрасту и опыту) является товарищ Мигуля (в обиходном обращении – дядя Миша). Родом он из далекого сибирского села и относится к той категории людей, про которых говорят: «Чем дальше за Урал, тем ближе к моральному кодексу».

В столичном регионе подобная приверженность нравственным нормам считается чем-то кондовым, совковым и вообще чуточку нелепо-смешным. Так что хотя в Москве дядя Миша давно, карьеры не сделать не сумел. Должность старшего прапорщика стала для него потолком и поводом читать нравоучения мне, как самому молодому.

Кстати, я и выгляжу так, что каждый, у кого достаточно смелости, считает необходимым учить меня уму-разуму. Ну, в самом деле, можно ли ожидать проявлений интеллекта у амбала с ростом 191, весом 105, которого в спецназе ГРУ

научили ломать кирпичи разными частями своего тела?

– Ты записывай, записывай, – старший товарищ потыкал бутербродом в сторону моего покуда праздного блокнота. – Важные вещи говорю.

– Да что записывать-то, дядь Миш, – отнекивался я. – Ну имеют место некоторые локальные конфликты. Печально, конечно, но чтобы так глобально драматизировать...

– Ага, локальные, – старший прапорщик задумчиво прожевал очередной откушенный кусок и обратил на меня чистый взор. – А скажи-ка, студент, что такое война? Учат вас этому в ваших вузах?

– Ну, в вузах сейчас все больше реклама да менеджмент. Но я на вопрос отвечаю.

– Дерзай.

Я принял классическую позу двоечника, внезапно вызванного к доске, то есть скосил взор вверх и вправо и довольно бойко доложил:

– Война – продолжение политики другими средствами. В результате происходит коренная смена взаимоотношений между воюющими государствами или нациями.

– Ишь ты, коренная...

– Да, дядь Миш. Государства, которые оказались слабее, из независимых становятся зависимыми. А их ресурсы переходят в бесконтрольное пользование победившей страны.

– Вот! – мой самозванный наставник щедро хлебнул горя-

чего чая и не поморщился – способность глотать крутой кипяток была у него фантастическая. – А теперь гляди, что получается.

Раньше, когда всем заправлял военно-промышленный комплекс, война велась самым тупым способом: как бандитская разборка. Войска одной страны вторгались на территорию другой, все вокруг крушили, всех убивали... И забирали себе то, что уцелело.

Решающим фактором было мощное оружие, поэтому была гонка вооружений, и ВПК процветал. Причем во всех странах одновременно.

– Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую, – пафосно процитировал я.

– Точно! Но сейчас настали другие времена. Теперь драка идет за ресурсы, а их хочется получить целыми и неразоренными. Значит, что?

– Что?

– Значит, действовать нужно тоньше. Так, примерно, как американцы свергли все правительства в Северной Африке.

Берется Интернет, какая-нибудь популярная социальная сеть типа наших «Одноклассников»...

– Facebook.

– Что? А, ну да. Словом, среди непринужденного трепа в чате до всех ненавязчиво доводится мысль: «А правительство-то ваше что-то засиделось во власти. Не пора ли менять?».

В результате даже не требуется вводить войска. Доверчивые египтяне, тунисцы, ливийцы и так далее сами свергают свое правительство. Причем полиция и армия, призванные вроде бы защищать закон и порядок, объявляют нейтралитет и отказываются выполнять свои обязанности. В результате восставший народ сам себя для нас завоевывают. А когда пролилась кровь и начались жертвы, являемся мы. Благородные миротворцы! Все в белом.

С сугубо демократическими лозунгами мы обеспечиваем избрание нового правительства и через это получаем все прежде недоступные ресурсы в бесконтрольное пользование. А? Каково?

Ответить я не успел. На пульте дежурного тревожно замигала красная лампочка и с секундной задержкой завывла сирена экстренного вызова.

Подобная ситуация настолько часто отработывалась на тренировках, что далее я действовал на одних рефлексах. И пришел в себя лишь в машине, в момент, когда наша «оперативка» сорвалась с места и помчалась к месту внезапно возникшего ЧП.

Да уж, не повезло. Месяцами необычайного ничего не случалось, а тут нате... и, как на зло, точно в наше дежурство!

Глава 2.

Смерть антиквара

Место происшествия всегда ассоциируется со страданием и болью. Особенно больно, если место это знакомое. И вот представьте, какие чувства испытал я, убедившись, что дежурный автомобиль доставил нас в тот самый двор, в котором прошло мое детство. Тот факт, что серая пятиэтажка, некогда служившая домом моей семье, оказалась как бы в глубине сцены, полузадрапированная кронами старых топей, утешал слабо. Милицейские машины и бледный микроавтобус «скорой помощи» помаргивали мигалками возле Юркиного подъезда.

Юрка был моим одноклассником, соседом по парте с пятилетним стажем и другом, к которому я едва ли не каждый вечер ходил, чтобы делать вместе уроки.

И вот теперь из его подъезда, одолевая тугую металлическую дверь, два санитара выносили кого-то, покрытого простыней и, судя по болтавшейся над носилками капельнице, еще живого.

Я подошел.

На носилках, сливаясь белизной лица с цветом подушки, лежал Юркин отец.

– Дядя Петя, – позвал я.

Ресницы умирающего дрогнули, он повел зрачками и, выделив меня из толпы людей, обезличенных формой, напрягся, силясь что-то сказать.

Я наклонился, приблизив к его губам ухо.

– Меч, – отчетливо произнес Юркин папа. – Меч жизни.

Усилие, которое он потратил на то, чтобы произнести эти слова, явно оказалось для него чрезмерным – на губах заплыла кровь. Но когда я попытался отстраниться с успокаивающим жестом, он протестующе дернулся и даже сделал попытку приподняться на носилках.

– Найди, – с усилием, как бы вкладывая в меня свою мысль, прошептал он. И после паузы, уже практически обессиленный, еле различимо прошелестел: – Монте-Кристо.

* * *

В квартире, куда мы поднялись после того, как «скорая помощь» увезла раненного в неизвестность, работал полицейский наряд. Эксперт при помощи кисточки покрывал все доступные прикосновениям поверхности серым порошком для снятия отпечатков пальцев, следователь, расчистив место на кухонном столе, уверенным почерком писал протоколы, по разгромленным комнатам в уличной обуви ходили какие-то люди в штатском...

Когда мы с дядей Мишей вошли, на нас покосились, но присутствовавший полковник в полицейском мундире

ре кивнул, и этого оказалось достаточно. Нас допустили к осмотру.

Вообще говоря, было не вполне понятно, что именно тут осматривать. Некогда аккуратная квартира семьи, жившей в достатке даже в социалистические времена, сейчас выглядела как бомжатник, не имевший присмотра последние десять лет. Все шкафы были опрокинуты, все полки со стен сорваны. Под ногами бродивших оперативников вперемешку валялись осколки фарфора, рваные простыни, пересыпанные почему-то сахарным песком и мукой.

Зная болезненное пристрастие хозяина квартиры к порядку, я понял, что разгром, учиненный во всех комнатах, был одним из видов пытки. Причем, если судить по количеству крови на сиденье стула с обрывками веревок, пытали тут вдумчиво и со знанием дела.

– Какие версии? – спросил полковник, придвигая табурет и усаживаясь против нас так плотно, словно мы были подозреваемыми. – Есть предположения, что здесь могли искать?

– Ну-у, – сказал я, вдумчиво почесав лоб под линией волос. – Дядя Петя был антикваром – человеком не бедным.

– Это мы поняли. Дальше.

– Насколько я знаю, главные ценности дома он не хранил.

– И это известно.

– Ну, может какие-то отморозки?

– Отморозки, которых он знал? Которым сам открыл дверь? Которые на столе в зале разожгли небольшой косте-

рок из денег?

– О, – удивился я. – Даже так!

– Именно так, – отчеканил начальник. – Судя по всему, грабителям нужна была какая-то вещь. Ценность которой несоизмерима со всем имуществом, находящимся в квартире. А хозяин, как вы верно заметили, был человеком не бедным.

– Похоже вы правы, – кивнул я, стараясь выглядеть одновременно удрученным обстоятельствами и восхищенным пронизательностью полковника.

– Он что-то успел сказать вам? – напрямую обозначил интерес полицейский.

– Довольно неотчетливо.

– И все же?

Дядя Миша приподнялся на стуле.

– Я отойду на минутку, – произнес он в полусогнутой и потому особенно просительной позе. – Пописать...

Полицейский брезгливо дернул крыльями носа и снова обратил на меня сверлящий взгляд.

– Ну?

– Бессвязные слова, – поделился я застенчиво. – Мне кажется, он бредил.

– И все же?

– Что-то о мире... Не думаю, что это имеет отношение.

Грохот в соседней комнате заставил меня подскочить. Я ринулся туда и обнаружил, что дядя Миша, споткнувшись

об обломки мебели, въехал головой в криво висящую полку, на которой еще чудом держалось несколько предметов. Все, разумеется, обрушилось и неловкому прапорщику крепко попало по затылку круглой жестяной коробкой из-под печенья.

В данный момент дядя Миша застенчиво улыбался, одной рукой потирая ушибленное место, а во второй держал подобранный с пола, ударившую его жестянку.

– Экий вы, – прошипел я, отбирая у старшего прапорщика коробку. Ну в самом деле, мог бы и повнимательнее смотреть под ноги, а то теперь полицейские подумают, что у нас в отделе все такие недотепы.

– Я это,.. – начал оправдываться дядя Миша.

– Вы сходили куда хотели?

– Нет еще.

– Вот и идите.

Я сурово развернулся на каблуках, и тут мой взгляд упал на желтенькую эмблему на круглом боку жестянки. Будь я проклят, но там совершенно отчетливо выделялось два слова, написанных незатейливой вязью: «Monte-Christo».

Торопливо, едва не поломав ногти, я поддел неудобную для открывания крышку, рванул... На пол посыпалось печенье в легкомысленных белых гофрированных салфеточках. А сверху, на эту съедобную россыпь, мягко спланировал листочек со стандартной надписью: «Упаковщик №4. Семен Труфанов».

Имя и фамилия упаковщика были вписаны шариковой ручкой. И в этом не было бы ничего особенного, если бы не почерк. Дело в том, что я много раз видел тексты, написанные отцом моего друга Юрки. Слова «Семен Труфанов» были начертаны его рукой. Вне всяких сомнений.

Монте-Кристо

Глава 3.

Таинственный артефакт

– Докладывайте, – сухо распорядился генерал, когда мы всем коллективом собрались в его кабинете.

Да, хотя подразделение у нас малочисленное (списочный состав никогда не превышал пяти человек), значение делу, которым мы занимаемся, придается большое. Ярким доказательством служит тот факт, что должность нашего начальника – генеральская. А генералы ФСБ пустяками не занимаются, уж можете мне поверить.

– Я слушаю, слушаю, – напомнил о себе руководитель, прерывая затянувшееся молчание. – Или мне поименно на доклад вызывать?

Ничего не оставалось, как принять удар на себя. Как-никак, дежурство вчера было мое, стало быть именно мне отвечать за случившееся.

– Вчера после 23—00 в первой городской больнице скончался антиквар Петр Николаевич Ведёркин. Перед тем, как его увезла скорая, мне удалось буквально пару минут с ним пообщаться. Петр Николаевич был в сознании, узнал меня и произнес две короткие фразы, смысл которых мы сейчас пытаемся расшифровать.

– Дословно повторить можете?

– Конечно. Он произнес: «Меч. Меч жизни». Затем последовала пауза, а за ней указание «Найди Монте-Кристо».

– Намек на какой-то клад?

– Вероятно. Пока, благодаря старшему прапорщику Мигуле, удалось найти только первый ключ – коробку из-под печенья «Монте-Кристо», в которой лежала записка, выполненная рукой погибшего антиквара.

С этими словами я извлек из досье записку, упакованную в прозрачный пластик, и продемонстрировал руководству.

Генерал взял, повертел так и сяк, хмыкнул.

– Вы считаете, что это ключ к тайне?

– Я уверен, и графологическая экспертиза мое мнение подтвердила, что надпись «Семен Труфанов» выполнена рукой антиквара Ведёркина. А поскольку он никогда не работал на кондитерской фабрике, это имя не может иметь отношения к упаковщику №4. Перед нами, несомненно, ключ.

– Допустим. Что предприняли дальше?

– Я встретился с сыном погибшего Юрием Ведёркиным, но он давно живет отдельно и о том, чем конкретно занимался его отец в последние полгода, не имеет ни малейшего представления.

(С другом Юркой мы разговаривали после полуночи. Через полчаса после того, как он увидел умершего отца и пребывал в полусомнамбулическом состоянии. Но такие подробности руководство не интересуют, и я о них умолчал).

– Тем не менее, Юрий сообщил, что у его отца был га-

раж, арендованный на вымышленное имя. Оформлением документов занимался Юрий, поэтому он сообщил нам адрес и дал ключи.

В три часа ночи, когда мы вскрыли гараж и осмотрели стоявшую внутри машину, удалось установить личность таинственного Семена Труфанова.

– Так, – заинтересованно взялся за подбородок генерал. – И кто же он?

– Как оказалось, художник. Практически неизвестный, но тем не менее, весьма незаурядный.

– Это как-то связано с гибелью антиквара?

– Пока мы можем только строить предположения. Но установлено, что неделю назад Ведёркин купил практически полное собрание его картин. Собирался ли он организовать выставку, или планировал украсить ими свой загородный дом, неизвестно. Все картины, обнаруженные нами в салоне машины, не были распакованы.

– Угу. Но сейчас-то вы их распаковали?

– Разумеется. Распаковали, перефотографировали и вот, – тут я извлек из досье бумажный пакет с фото и слегка приподнявшись передал глянцевые листки фотобумаги в руки руководства.

– Угу, – снова произнес генерал и принялся тщательно рассматривать каждое изображение.

Процесс занял довольно много времени, но никто не издал ни звука, все терпеливо ждали.

– Так. И какие у вас соображения по этому поводу?

Слово взял эксперт Иван Зайкин, которого мы между собой звали «Киборг» (это ему нравилось) и «Ваня-болваня» (об этом прозвище наш, бреющийся налысо, эксперт не подозревал).

– На первый взгляд картины не представляют из себя ничего экстравагантного. Чтобы понять, что именно в них искать, мы решили опереться на предсмертные слова антиквара и провели поиск в Интернете по такому понятию, как «меч жизни». Дословное совпадение термина удалось обнаружить в Японии. Там, как вы знаете, существует культ самурайского меча – катаны. И целый ряд, а точнее идеологический блок, рассказов о мечах. Напрямую с понятием «меч жизни» связана следующая история.

Тут наш эксперт, который всегда предпочитал перекладывать свое дело на электронные мозги, извлек из-под стола ноутбук, который прежде держал на коленях, и, развернул экран в сторону генерала.

– Э-э, – запротестовал тот. – Поставьте так, чтобы всем было видно

Мы сгруппировались напротив монитора, и из динамиков ноутбука зазвучал текст:

«В стране Восходящего солнца было много великих мастеров, чьи мечи хранят их вековую славу. Но среди самых лучших известны имена двух, что остались в истории навсегда. Это Масамуна и Мураманаса – белый и черный мастера.

Легенда гласит, что когда оба клинка этих двух мастеров опустили в ручей, меч Масамуны обвили водоросли. А меч Мурамасы разрезал их. Так была явлена природа этих клинков. Масамуны – дарующий жизнь и Мурамасы – отбирающий ее.

Масамуна был монахом и владел множеством тайн изготовления мечей. По поверью, владельцу созданного им меча не нужно было вынимать его из ножен. Сама сила мастера даровала победу хозяину.

Мурамаса был противоположностью Масамуны. Его клинки прославились необычайной остротой и совершенством.

Меч жизни

Чтобы справиться с кланом Токугавы, который стремился захватить власть над Японией, Мурамаса вселял в свои клинки духов войны.

Большая часть родственников Токугавы погибла от оружия Мурамасы, и Токугава под страхом смертной казни запретил ношение этих прославленных мечей. Что само по себе являлось доказательством великой силы меча.

После 2-й мировой войны буквально охота началась на мечи Мурамасы. Ими хотели владеть коллекционеры и музеи всего мира. Как любой редкий коллекционный экземпляр, меч Мурамасы считается бесценным.

В японском музее хранится один из немногих уцелевших клинков Мурамасы.

Удивительное качество меча, это хамон – необычайно острая, зеркально выполненная заточка с двух сторон. Характерный почерк мастера – короткий хвостовик клинка с подписью.

Меч Мурамасы – вершина искусства японского боевого оружия и его слава. Эта живая легенда до сих пор хранит свою тайну и мистическую силу. Пророчества гласят, что этим клинком может обладать только смелый и великий воин, способный бросить вызов всему миру».

– Итак, – произнес эксперт, отключая ноутбук, – подводя итог, можно сказать, что уцелевший меч Мурамасы, то есть меч смерти, хранится в одном из музеев Японии под надежной охраной. А где находится меч жизни в настоящее время неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.